

УДК 947.6 "18-19" (476.2) : 325.2 (=411.16)

Еврейская миграция из Восточной Беларуси: через жернова Российского законодательства к новому субэтносу (первая половина 18 в. – 1917 г.)

А. КАГАНОВИЧ

К XVIII веку евреи Восточной Беларуси представляли собой часть отдельного субэтнуса – литовского еврейства, представители которого назывались *литваками*. Этот еврейский субэтнос имел свои этнокультурные особенности, отличавшие их от других евреев: особый диалект идиша, характерные одежду и причёску, а также обрядовые отличия. Кроме того, от соседних еврейских субэтнических групп они отличались ментальностью, темпераментом и даже некоторыми физиологическими отличиями (формой головы, цветом волос и глаз, ростом и т. д.) [подробнее об этих различиях см.: 1, с. 42–48]. Евреи здесь имели своё самоуправление, возглавляемое Литовским ваадом, неохотно принимавшим новых иммигрантов. Лишь во время *Хмельнитчины* он кардинально изменил эту политику, принимая и помогая еврейским беженцам с Украины [2, с. 259].

Однако обстоятельства вынуждали восточнобелорусских евреев самим искать новые места для жительства. За исключением бегства в 1941 г., все волны эмиграции евреев из Восточной Беларуси имели цель улучшить экономическое положение. Эти миграции целиком зависели от оценки положения на старом месте, возможностей найти заработок в других местечках и городах, а также вероятности успеха абсорбции на новом месте. Для оценки потенциальной возможности улучшить свой статус за пределами рассматриваемого региона нужна была информация о новых местах. В XVIII веке такую информацию относительно соседних России и автономной при ней до 1764 г. Левобережной Украины распространяли купцы, которые, хоть и на ограниченный срок, но могли туда приезжать. Со временем поток информации расширился, и её можно было уже получать и от поселившихся там родственников.

Первые три волны эмиграции из Восточной Беларуси в Россию и Украину, рассматриваемые в данном исследовании, напрямую зависели от тех или иных послаблений властей в принятой ими законодательной концепции, направленной на ограничение евреев в местожительстве.

Миграция на территорию современной Украины в XVIII веке

Оказавшись в XVIII веке в тяжёлом экономическом кризисе, который переживала Речь Посполита, евреи Восточной Беларуси и искали возможности эмигрировать в другие страны. Ситуация почти во всех соседних странах была не лучше. Более других евреев привлекала Левобережная Украина, куда они делали многократные попытки переселиться. Однако, разрешая приезжать туда в первой половине XVIII века для торговли, власти не разрешали евреям там оставаться [3, том 8, указ № 5324 (1728 г.), указ № 5852 (1731 г.), том 9, указы № 6610 и № 6614 (оба 1734 г.), указ № 6898 (1736 г.)]. Тем не менее, несмотря на это запрещение, евреи там селились, занимаясь в новых местах в основном торговлей и откупами, реже – ремёслами. По произведённой в 1736 г. переписи, из 199 евреев, живших на территории Черниговского полка (административно-территориальная и войсковая единица, преобразованная в 1781 г. в одноимённое наместничество), 126 (63,3 % от всех) переселились туда из Восточной Беларуси – Брагина, Быхова, Петрикова, Холмича, Глусска, и главным образом, Лоева [подсчитано по: 4]. О несоблюдении местными властями предписаний по выселению евреев в Петербурге было известно. И хотя центральные власти продолжали использовать выселительную политику по отношению к евреям, принимаемые против них меры были относительно мягкими. Об этом свидетельствует указ от 1739 г. о приостановке выселения евреев из Малороссии по случаю военных действий с условием, чтобы «никто их к

себе не брал, в корчмах не держал и ничего им в аренду не давал» [3, том 10, указ № 7869]. Из этой фразы вытекает, что в иммиграции евреев в Левобережную Украину были заинтересована, прежде всего, местная аристократия, под давлением которой центральные власти и проявляли некоторый либерализм. Даже после нового указа 1740 г. о выселении евреев из Малороссии они там остались, и поэтому в 1742 г. центральные власти отдали новый указ, уже о выселении евреев не только из Малороссии, но ещё и из Великороссии [3, том 11, указы № 8169 и № 8673].

Предоставляемое в этом же указе исключение для евреев, перешедших в православие, свидетельствует об идеологическом подходе к ним центральной власти, главным образом императорского дома. Такой подход к евреям в России ещё более укрепился вследствие перехода морским офицером Александром Возницыным в иудаизм. Проявляя уже чуждое для христианской Европы того времени отношение к отступлению от официальной религии, Анна Иоановна (правила в 1730–1740) в 1738 г. распорядилась сжечь Возницына и его еврейского наставника Бороха Лейбова [3, том 10, указ № 7612]. Такое нетерпимое отношение к иудаизму унаследовала и Елизавета II (правила в 1741–1762). На попытку Сената в 1743 г. разрешить евреям остаться из-за важной роли в экономике, императрица произнесла известную фразу о том, что не желает экономической прибыли «от врагов христовых» [3, том 11, указ № 8840]. В 1744 г. она подтвердила решения предшественницы о высылке евреев из Малороссии и Великороссии [3, том 12, указ № 8867], после чего евреи действительно были вынуждены надолго покинуть эти территории или перейти в православие. В период её правления еврейская иммиграция имела место только один раз и носила она принудительный характер. В 1764 г., когда императорские войска вторглись в принадлежавшую в то время Речи Посполитой Ветку с тем, чтобы насильно выселить отсюда в Сибирь старообрядцев, они, по-видимому, не разобрались, и депортировали туда и часть евреев. Только этим можно объяснить последовавший указ о разрешении переселиться вместе со старообрядцами и тем евреям Ветки, кто перешёл в старообрядчество [3, том 16, указы № 11725 и № 12260]. Если бы евреи уже были старообрядцами во время захвата Ветки, то в глазах русских властей они бы не представляли собой отдельной группы, согласно распространённой в то время системы религиозной индикации. Враждебное отношение к евреям и тем более к их возможной иммиграции в Россию в течение всего времени правления Елизаветы II определялось опасением распространением иудаизма среди православного населения. Эти опасения особенно ярко проявились в 1748–1749 гг., когда обвинение нескольких православных жителей Казани в тайном обрезании и переходе в иудаизм вызвало в правительственных кругах переполох. Обвинение, вынесенное по доносу и вызвавшее серьёзное расследование с отправкой девяти обвиняемых в Москву и конечным рассмотрением дела в Сенате, было признано в конце ложным [5].

Лишь с приходом Екатерины II (1762–1796) отношение к евреям изменилось в той мере, насколько это было возможно в условиях предшествующей императорской позиции и отношения к еврейскому вопросу высших чиновников. При ней возобновилась иммиграция евреев на территорию современной Украины, после того как императрица в 1769 г. предоставила иностранным евреям право поселяться в Новороссии. В 1791 г., спустя почти двадцать лет после первого раздела Речи Посполитой (1772), евреи Могилёвской и Полоцкой губерний тоже получили возможность селиться в Новороссии [6, с. 296], чем не преминули воспользоваться. Кроме того, евреи Восточной Беларуси начали вновь «осваивать» Левобережную Украину, составив там в 1792 г. 970 человек, проживая в основном в Киевской и Черниговской губерниях [7, с. 79]. После того, как в 1794 г. им официально разрешили там селиться в одной Малороссийской губернии (она была образована из Черниговской и Полтавской губерний), к 1800 г. проживало 20,497 евреев [7, с. 85], очевидно, в большинстве выходцев из Беларуси. Для белорусского еврейства это была большая миграция, учитывая, что во всей Минской губернии в 1800 г. проживало всего 14,260 евреев согласно официальным статистическим данным [8, с. 535]. Скорей всего, эти сведения несколько занижены, так как до 1860-х гг. евреям зачастую удавалось уклоняться от переписей [1, с. 141]. Незадолго до своей

смерти, в 1796 г., императрица подписала указ о разрешении евреям-купцам Могилёвской губернии переселяться в Новгород-Северскую (в 1796 г. переименована в Полтавскую) губернию и не возвращаться обратно евреям-мещанам, уже там поселившимся [3, том 24, указ № 17605].

Сразу после смерти Екатерины II ситуация с миграцией в другие губернии России несколько ухудшилась. В 1801 г. представитель белорусских евреев-ремесленников обратился к властям с просьбой разрешить им проживание повсеместно в России на общих основаниях, однако получил отказ [7, с. 115]. Ни к какому результату не привела и жалоба белорусских купцов-ремесленников на стеснения в проживании в Москве, инициатором которых были их конкуренты московские купцы [7, с. 117].

Получив в наследство от Речи Посполитой большое число евреев, от религиозного влияния которых прежде тщательно оберегали российских подданных, Россия оказалась в замешательстве перед вопросом: «Что с ними делать»? Не имея возможности выселить их за пределы империи, после долгих колебаний было решено заморозить решение этого вопроса, заперев евреев в основном на прежней территории проживания, а также Левобережной Украине. Время, однако, показало, что решать этот вопрос надо.

Миграция с начала XIX в. по 1881 г.

Это была наиболее длительная волна еврейской миграции из Восточной Беларуси. В этот период власти предпринимали многочисленные эксперименты по решению еврейского вопроса в империи. Законы и льготы для разных категорий евреев то принимались, то отменялись, евреям приходилось часто возвращаться на места своего прежнего жительства, потерпев вызванные переездами убытки и разорвав торговые и рабочие соглашения. Но стремление вырваться «за черту» было настолько сильным, что они вновь и вновь пытались попасть в так называемую внутреннюю Россию, колониальные окраины на Кавказе, в Сибири или Средней Азии.

В 1819 г. евреям-винокурам власти разрешили заниматься своим ремеслом в великорусских губерниях «вплоть до усовершенствования в оных русских мастеров» [3, том 36, указы № 27794 и № 27963]. В 1826 г. это разрешение было отменено [3, часть 2, том 1, указ № 86]. Лишь винокурам Давыдовым на три года разрешалось продолжить заниматься своим ремеслом на иркутских заводах [3, часть 2, том 1, указ № 1355]. В 1840-х гг. евреи переселялись в крупные города Южной России: Одессу, Екатеринослав, Николаев, Херсон и др. Кроме того, в 1844 г. еврейским мастерам: портным, сапожникам, шапочникам и т.д. было разрешено временное жительство в укреплениях Чёрного моря [9]. Это был вынужденный шаг со стороны правительства, так как многочисленные военные гарнизоны страдали от плохих бытовых условий, а православные ремесленники, которых в России вообще было мало, не стремились к перемене жительства. В 1829 г. всем евреям было предписано выселиться из Севастополя и Николаева [3, часть 2, том 4, указ № 3286]. А в 1859 г. им вновь разрешили туда приезжать для обучения ремеслу [9]. Евреи, как наиболее мобильная часть населения в Российской империи, использовали любые льготы для поселения, как в Причерноморье, так и в других местах за пределами Черты оседлости. Первыми среди них зачастую были евреи Восточной Беларуси.

О том, что с территории Восточной Беларуси произошла массовая миграция на территорию сегодняшней Восточной Украины, свидетельствует исследование, выполненное нами на базе данных евреев, оказавшихся в 1942 гг. в эвакуации в Узбекистане [10]. Из общего списка были выделены 868 евреев с топонимическими фамилиями, указывавшими на Восточную Беларусь как на место выхода: Брагинский, Быховский, Гомельский, Заславер, Заславский, Кричевский, Минскер, Минский, Оршанский, Слуцкер, Слуцкий, Туровер, Туровский, Урецкий (по местечку Уречье), Халецкий (по местечку Хальч), Чаусовский, Шкловский, а также другие, менее распространённые (из-за наличия Могилёва и Рогачёва, как в Беларуси, так и на Украине, соответствующие фамилии не рассматривались). Их далёкие предки покинули эти места до 1804 г., когда в России вышел указ об обязательном выборе фамилий евреями. Анализ данных позволяет увидеть географическую дисперсию расселения потомков этих евреев в пределах Европейской части СССР (как известно, эвакуация проводилась и с территорий, которые были только под

угрозой немецкой оккупации) в виде следующей таблицы.

Распределение потомков ранних «топонимических» евреев-эмигрантов из Восточной Беларуси по территории Европейской части СССР на 1941 г.

Регион	Все «топонимические» восточнобелорусские выходцы, %
Прибалтика	0,7
Восточная Беларусь	4,3
Западная Беларусь	1,7
Восточная Украина	77,9
Западная Украина	0,8
Молдавия	2,2
Западная часть РСФСР	12,4
Всего	100

Часть восточнобелорусских евреев переселилась в Восточную Украину сразу, ещё до выхода указа 1804 г., и их потомки оставались там, а у части это было результатом большего числа переселений, последовавших вслед за первой миграций.

В 1804 г. власти обнародовали новый проект превращения «лишнего» еврейского населения в крестьян в рамках формирования отдельных для них колоний в Новороссии. Несколько лет никто не изъявлял желания туда переселяться. Первыми добровольцами, пожелавшими в 1806 г. переехать, стали 36 семей чериковского повета. За ними последовали 52 мстиславских семейства [11, с. 8–10]. Уже после их переселения, а также других белорусских и украинских евреев, в Новороссию самостоятельно прибыли 91 семейство из Черниговской губернии [11, с. 15]. по-видимому, также выходцы из Восточной Беларуси. К 1815 г. в еврейских колониях Новороссии проживали 3,852 евреев-крестьян [11, с. 89]. В основном это были евреи из Беларуси [11, с. 57–58]. Затем, однако, власти охладели к этому переселенческому проекту. Когда в 1820 г. многие еврейские семьи из Могилёвской губернии тоже захотели стать крестьянами в Новороссии, они получили отказ. После этого несколько тысяч евреев Могилёвской губернии в тяжёлые неурожайные 1821–1822 гг. сами отправились в Херсонскую губернию. Власти отреагировали на это постановлением о возврате в Беларусь шестисот еврейских семейств и о прекращении еврейского переселения в Новороссию [7, с. 204]. В 1835 г. в Могилёвском уезде на переселение в южнороссийские колонии записалось 427, в Мстиславском уезде – 50, в Минском уезде – 286 еврейских семейств [11, с. 198]. Тогда это желание не было удовлетворено властями, но вероятно, тем из них, кто оставался потом в Восточной Беларуси, удалось переселиться в Новороссию позже, так как в 1840-х гг. проходила временная реанимация этого проекта.

Тяжёлые экономические условия вынудили в 1830-х гг. около двух тысяч восточнобелорусских евреев записаться даже на переселение в Сибирь для образования сельскохозяйственных колоний [Подсчитано по: 11, с. 205]. Эта переселенческая идея столкнулась с громоздкой бюрократической машиной, и потому часть этих евреев даже решили отправиться туда сами в 1836–1837 гг. Одна из групп в составе 71 человек, выходцев из Могилёва, добравшись до Тамбова, была вынуждена обратиться за помощью к властям, так как оказалась в затруднительном экономическом положении. Другая группа добиралась в Сибирь через Казань. Ещё одна группа из 36 евреев добралась до Западной Сибири [11, с. 206, 215]. На этом этапе власти приостановили это переселение в 1837 г. с предложением местным властям отправить уже прибывших евреев в колонии Херсонской губернии или расселить их на сибирских землях, принимая в расчёт и желание самих переселенцев [11, с. 215–216]. По-видимому, большая часть переселенцев решила остаться, так как только в одном Тобольске в 1884 г. проживало 64 еврея-крестьянина, в основном выходцев из Минской, Могилёвской и Гродненской губерний [12, с. 371, 412]. Что же касается евреев мещанского сословия, то в Тобольске в том же году проживало их 209 человек, среди которых 115 (55 %) были выходцами из Северо-Западного края, а из Юго-Западного края было только 25 (12 %) [12, с. 369–370].

Если миграция в колонии была проектом властей по превращению евреев из

беспольного в полезный этнос, то привлечением евреев в указанные выше города двигало стремление экономически развить последние. Таким образом, в силу экономической целесообразности, власти иногда отступали от идеологической доктрины сдерживания еврейской иммиграции. Объектом государственных экспериментов в области национального строительства по своей воле становились в первую очередь евреи Беларуси. В отличие от них, евреи на Украине не составляли друг другу большой конкуренции, так как в украинских местечках они не составляли столь большого процента населения. Некоторое исключение здесь составляли местечки современных Каменец-Подольской, Винницкой и Волынской областей. Кроме того, христианское население Украины жило зажиточнее, чем в Беларуси. Поэтому, будучи тесно экономически связанными с христианами, так же как и евреи Беларуси, евреи на Украине имели в среднем большую мотивацию оставаться на старом месте.

Вследствие разных законодательных послаблений с 1860-х гг. для разных категорий евреев часть из них переселилась из Восточной Беларуси во внутренние части России. В рамках этой миграции евреи «осваивали» Москву, куда допуск прежде был весьма ограничен в основном из-за сопротивления ему довольно широкого слоя купечества, справедливо опасавшегося более предприимчивых еврейских купцов. Но в 1891 г. московское купечество добилось от нового генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича выселения евреев-ремесленников, которых подозревали в торговле. Эта реэмиграция вошла в коллективную память евреев как «московское изгнание». Начиная с тех же 1860-х гг., многие евреи Восточной Беларуси переселялись также в Киев, а ещё больше в Петербург. Основа для этих эмиграционных потоков была заложена ещё в первой четверти XIX века. К 1826 г. в Петербурге проживали 139 евреев, выходцев из Восточной Беларуси. Они составляли 39,9 % от всех евреев, там проживавших [подсчитано по: 13, с. 941]. Со временем эти старожилы помогали абсорбировать вновь приезжавших родственников и земляков, что становилось дополнительным плюсом при выборе места миграции. Киев и Петербург притягивали евреев своей близостью к прежнему месту проживания, где они оставляли родственников и торговые связи, часто начиная на новом месте жительства всё сначала.

Третья волна миграции с 1881 по 1917 г.

Этот период характеризуется беспрецедентной еврейской эмиграцией за границу. С 1881 по 1914 гг. Россию покинули около двух миллионов евреев, из которых 78,6 % выехали в США [14, с. 383]. Столь широкомасштабное переселение было вызвано, прежде всего, экономическими причинами, а не двумя погромными волнами [15], прошедшими по России в 1881 и 1904–1905 гг. и с которыми часто связывают большую еврейскую эмиграцию. Не оставались в стороне от эмиграции за границу и евреи Восточной Беларуси. Из 550 еврейских семей, опрошенных в 1912–1913 гг. в Бобруйске, 311 уже имели членов семьи в США [16, с. 14]. В США шёл основной поток еврейской эмиграции со всей Восточной Беларуси, также как и со всей России. Статистика эмигрантов из Минской губернии за 1909 г. свидетельствует, что из всех эмигрантов за границу в США уезжали 75 % (в том числе 60 % в Нью-Йорк), в Палестину – 12 %, Европу – 4,2 %, Канаду – 3,2 %, Аргентину – 1,8 %, Южную Африку – 1 % [17, с. 5]. Несколько другой расклад даёт статистика еврейской эмиграции из Гомеля: 79 % направлялись в США, 8 % – в Канаду, 7,7 % – в Аргентину, 2,7 % – в Палестину, 2,6 % – в другие страны [18]. Как видно из этой статистики, здесь было гораздо больше евреев, направлявшихся в Аргентину и Канаду, а в Палестину, напротив, мало. Российские власти не препятствовали еврейской эмиграции за границу и даже приветствовали отъезд евреев, что видно из правил 1892 г., согласно которым они, в отличие от других эмигрантов, не могли вернуться обратно в Россию.

Кроме этого, евреи в этот же период мигрировали и во внутренние российские губернии и на территорию современной Украины, а также в другие местечки самой Восточной Беларуси. Из соотношений, выведенных израильским историком Шаулем Штамфером, исследовавшего миграционные процессы в Российской империи на основе переписи 1897 г., видно, что еврей-горожане за пределы своей губернии больше всего мигрировали в Екатеринослав, Херсон, Харьков и Варшаву [19, с. 34–35]. Это же исследование свидетельствует, что доля евреев-уроженцев других губерний в восточнобелорусских губерниях к 1897 г. была одной из самых

низких в Российской империи [19, с. 35–36]. Из этих данных вытекает, что сама Восточная Беларусь в целом была мало атрактивна для еврейской миграции. Существовавшая всё же небольшая миграция сюда была вызвана с одной стороны семейными, а с другой – религиозными причинами. Восточная Беларусь, как центр хабадского хасидизма, притягивала в свои *ешивы* (ешива, букв. сидение, иврит, – высшее еврейское религиозное учебное заведение) выходцев из других губерний. Кроме того, Минск был атрактивен для евреев соседних губерний. С 1878 по 1897 гг. его еврейское население выросло с 23,649 до 47,561 человек [20, с. 355–356] и рост, таким образом, составил 201,2 %. Столь высокий рост за 19 лет мог произойти только благодаря механическому приросту, т.е. иммиграции туда евреев.

На первом этапе рассматриваемого периода с 1882 по 1897 гг. еврейское население Восточной Беларуси выросло с 434,192 [подсчитано по: 21, с. 7–10, 24–29] до 516,000 [16, с. 18] человек, т.е. на 119 %. Между тем, взяв естественный прирост населения в 2 %, соответствующий тому времени, численность евреев должна была составлять 573,132 тысяч. Потеря в 57,1 тысяч, т.е. 11,1 % от численности в 1897 г. стала результатом миграции за пределы рассматриваемого региона. Такой относительно невысокий процент потери стал, по-видимому, результатом компенсирующей иммиграции в Минск, главным образом, из Гродненской губернии, Новогрудокского, Пинского и Динабургского уездов, местностей с многочисленным еврейским населением.

Что касается миграций внутри самой Восточной Беларуси, то они всё время шли из мелких местечек в крупные или же в города. Из местечка Краснополье в течение 1900–1902 гг. выехала 51 семья, т.е. по 17 семей в год. Это составило ежегодных 3,2 % убыли от всего еврейского населения [22, с. 84–90]. В города переселялись также евреи из крупных местечек. Рост одних местечек и городов и упадок других определялся активным строительством в это время железных дорог через Беларусь. По этой причине с 1878 по 1897 гг. численность евреев в Мозыре и Игумене выросла соответственно на 297 % и 234 % [20, с. 355–356]. Столь высокий рост мог произойти только за счёт миграции сюда из других местечек. И хотя, в отличие от Мозыря, железная дорога прошла в 40 километрах от Игуменя, через Марьину Горку, этого оказалось достаточно для столь бурного роста.

За рассматриваемые двести лет еврейской миграции из Восточной Беларуси её покинула бóльшая часть потомков тех евреев, которые там проживали в начале рассматриваемого периода. И это учитывая, что все этапы еврейских миграций из Восточной Беларуси включали в себя обратные процессы реэмиграции. В местах своего нового жительства *литваки* стремились придерживаться друг друга в основном из-за сходства ментальности, которая, между прочим, и предопределила создание их собственного хасидского движения – *Хабад* (часть литовского еврейства, получившая название *миснагиды*, букв. противники, иврит, вообще не приняла хасидского реформизма). В США и Канаде они создавали свои земляческие организации, хотя и по принципу места выхода чаще всего, но подоплёкой была принадлежность к одному и тому же субэтносу. Однако, как там, так и в России, Украине и других местах, несмотря на первоначальное неприятие «чужих» евреев [1, с. 44–46], евреи Восточной Беларуси в конце концов почти полностью утрачивали свою историческую обособленность, превращаясь вместе с еврейскими иммигрантами из Украины и Польши в новую субэтническую общность – «русские евреи» [23]. Со временем также, ослабевала и их связь с Восточной Беларусью. Крепче свои особенности сохраняли на новых местах *миснагиды* и приверженцы *Хабада*, однако и у последних *литвакская* обособленность размывалась больше из-за распространения этого учения, как среди украинского, так и польского еврейства.

Abstract. Three waves of Jewish migration from Eastern Belarus to Russia and the Ukraine from the end of the 18th century till 1917 are considered in the paper. It is shown that Lithuanian Jews were losing their historic isolation at their new places of residence in the course of time. Together with Jewish immigrants from the Ukraine and Poland they created a new strategic community – Russian Jews.

Литература

1. Каганович, А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии / А. Каганович. – Иерусалим, 2007.
2. Областной пинкос Ваада главных общин Литвы. – С.-Петербург, 1909.
3. Полное собрание законов Российской империи (разные издания).
4. Перепись евреев в Малороссии в 1736 г. Еврейская старина, 1913. – Т. 6, Кн. 1. – С. 400–407; Кн. 2. – С. 526–536.
5. Фельдман, Д. Неизвестное следствие о «Казанской секте жидовствующих». 1748–1749 гг. / Д. Фельдман. – Вестник еврейского университета, 1999, №2 (20), с. 296–323.
6. Регесты и надписи. – С. Петербург, 1913. – Т.3.
7. Гессен, Ю. И. История еврейского народа в России: в 2 т. / Ю. И. Гессен. – Москва – Иерусалим, 1993 (репринт, Ленинград, 1925). – Т.1.
8. Гессен, Ю. Население, Еврейская энциклопедия. / Ю. Гессен. – С. Петербург. [1908–1913]. – Т. 11. – С. 534–536.
9. Кауфман, А. Будущее в прошедшем. Русский еврей / А. Кауфман. – 1880. – № 32. – С. 1249–1250.
10. База данных Вашингтонского музея Холокоста. Режим доступа на 21.10.2008: http://resources.ushmm.org/uzbekrefugees/name_list.php#top
11. Никитин, В. Н. Евреи – земледельцы, 1807–1887 гг. / В. Н. Никитин. – С.-Петербург, 1887.
12. Памятная книжка Тобольской губернии за 1884 г. (сост. А. И. Дмитриев-Мамонов, К. М. Голодников). – Тобольск, 1884.
13. Гессен, Ю. Санкт-Петербург. / Ю. Гессен. – Еврейская энциклопедия. – С.-Петербург, [1908–1913]. – Т. 13. – С. 941–942.
14. Куповецкий, М. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) / М. Куповецкий. – Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 7. – Иерусалим, 1994. – С. 382–390.
15. В частности, среди 1523 опрошенных евреев, покидавших Минскую губернию в 1909 г., на экономические причины эмиграции указали 62,6 %, а на семейные – 32,5 %. См.: Отчёт общества для оказания помощи евреям-переселенцам за 1909 г., Минск, 1910, с. 6. Однако, как представляется, среди последних большинство уезжало также по экономическим причинам.
16. Шмерук Х. Га-кибуц га-ягуди вэга-гитяшвут га-хаклаит га-ягудит бе-Бейлорусия га-советит (1918–1932) / Х. Шмерук. – Иерусалим, 1961.
17. Отчёт общества для оказания помощи евреям-переселенцам за 1909 г. – Минск, 1910.
18. Еврейское обозрение. 27.05.1910. – № 1. – С. 49.
19. Stampfer, Sh. Patterns of Internal Jewish Migration in the Russian Empire, Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union (ed. by Y. Roi) / Sh. Stampfer. – London, 1995/ – P. 28–47.
20. Александров, Г. Ди идише бапелкэронг ун ди штэт ун штэтлех фун Вайсрусланд (идиш) / Г. Александров. – Цайтшрифт, 1928. – № 2–3. – С. 309–378. Как видно из этой статистики, приводимой Александровым, христианская иммиграция в Минск за этот период была ещё выше.
21. Аленицын, В. Еврейское население и землевладение в Юго-Западных губерниях Европейской России. Статистический временник Российской империи / В. Аленицын. – Серия 3. – Вып. 2. – С.-Петербург, 1884.
22. Рохлин, Л. Л. Местечко Краснополье / Л. Л. Рохлин. – С.-Петербург, 1908.
23. Об этнокультурных особенностях в местах иммиграции и их нивелировании см.: Венгерова, П. Воспоминания бабушки / П. Венгерова. – Иерусалим–Москва, 2003. – С. 212, 119–120, 232, 270.